

Лицо Цянь Бао побледнело, он мямлил и не мог вымолвить ни слова.

Сюй Чжиюй торопливо объяснил:

— Нет, всё совсем не так, как вы думаете, Миньюэ, вы неверно меня поняли. Я... я просто пришёл к Его Величеству обсудить важное дело. Так вышло, что Императора не оказалось на месте, а под одеялом никого не было, вот я и решил немного подождать. Наверное, евнух Цянь Бао просто не так меня понял.

Цянь Бао сообразил, в чём дело, и тут же подхватил:

— Да-да, это раб по ошибке подумал, что Чжуаньюань наконец-то осознал чувства Его Величества и специально караулит в спальнях покоях, чтобы преподнести Императору сюрприз. Раб испугался, что из-за него Его Величество упустит такой сюрприз и потом накажет меня, поэтому и преградил путь Чжуаньюаню. Прошу Чжуаньюаня помиловать меня.

Хотя Сюй Чжиюй понимал, что это всего лишь отговорки Цянь Бао, на душе у него всё равно было отчаянно неловко. Заметив, что Ли Хуаймин снова перевёл взгляд на нефритовый кулон в его руке, он поспешно пояснил:

— Я не со зла... Я просто случайно задел что-то, и потайное отделение открылось само собой, а мне стало любопытно, вот я и взял его посмотреть...

Не успев договорить, он донельзя покраснел и был готов сквозь землю провалиться.

Если бы он не подошёл так близко к драконьей ложе, как бы он случайно задел механизм и открыл тайник? Если бы он не думал о том, чтобы прилечь на императорском ложе в ожидании возвращения Императора, зачем бы он вообще приблизился к постели?

К счастью, Ли Хуаймин не стал допытываться дальше и произнёс со строгим видом:

— Вот тут Чин И неправ. Благородный муж не стоит у опасной стены, не ходит по дынному полю и под сливами — подобное поведение и впрямь наводит на дурные мысли. Почему ты до сих пор не положил нефритовый кулон на место и не вернул потайное отделение в прежний вид? Если Император вернётся и рассердится, я замолвлю за тебя словечко.

Сюй Чжиюй испытал глубокую благодарность, а затем с болью в сердце вернул с таким трудом добытый Приказ Нефритовой Бабочки обратно в тайник. Украдкой бросив на Ли Хуаймина опасливый взгляд, он незаметно подал знак Цянь Бао, велев тому при удобном случае выкрасть приказ до возвращения Императора.

Цянь Бао слегка кивнул.

И он даже не подозревал, что обо всех этих маленьких хитростях Небесный Путь тихонечко доложил Ли Хуайминю.

Вернув потайное отделение в драконьей постели в прежний вид, Сюй Чжиюй наконец с облегчением выдохнул и только тогда заинтересовался у Ли Хуаймина:

— Почему Миньюэ тоже пришёл сюда в этот час?

Мысленно Ли Хуаймин подумал: «Конечно же, чтобы поймать вас с поличным на месте преступления».

Хотя сейчас Небесный Путь был лишён каких-либо способностей, ни на что не годился и вынужден был прятаться от Системы, словно мышь от кота, у Сюй Чжиюя Системы не было, так что Небесный Путь вполне мог за ним присматривать.

Поэтому, узнав, что Сюй Чжиюй притащился к Императору с корзинкой с едой, словно наложница, ищущая милости и ласки, он тут же сломя голову примчался устраивать облаву на любовников.

Добравшись до Дворца Цзывэй, этот евнух Цянь Бао наотрез отказался пускать его внутрь с таким видом, будто в покоях завелась нечистая сила. Разве мог он стерпеть подобное? Не раздумывая ни о чём, он вихрем ворвался внутрь, никак не ожидая, что любовников застать не удастся, зато удастся поймать вора с поличным.

Конечно, заявлять об этом вслух он не собирался, поэтому с смущённым видом произнёс:

— Старший брат услышал, что ты пришёл сюда один, испугался, что тебя обидят, и в спешке примчался следом. А увидев гримасу евнуха Цянь Бао, решил, что ты подвергаешься... Вот и ворвался сюда, не думая ни о чём. Не ожидал, что это просто недоразумение. Это старший брат зря накрутил себя.

Сюй Чжиюй был тронут до глубины души. Он никак не ожидал, что Ли Хуаймин примчался к нему в такой спешке не ради себя, а страшась, что сладострастный тиран воспользуется им, и совершенно не заботясь о собственной безопасности, бросился спасать друга, даже не испачкавшись в этой опасной ловушке.

Эх, Миньюэ и впрямь чист и светел, словно ясная луна в облаках, безупречен и незапятнан, совсем не то что он сам — мало того что занимается грязным воровством, так ещё и продолжает лгать после поимки с поличным, изощённо изворачиваясь в споре.

И надо же такому случиться, что брат Миньюэ столь добр к нему и по-прежнему готов верить!

Он поистине опозорил заветы благородного мужа, переданные отцом, и предал искреннее отношение брата Миньюэ.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее терзался стыдом, поэтому, когда Ли Хуаймин предложил ему отправиться в Императорский сад выпить чаю и сыграть в шахматы, он не стал отказываться.

Они ушли вместе, поддерживая друг друга. Перед уходом Сюй Чжиюй под предлогом страха перед гневом Императора на Цянь Бао стал умолять Ли Хуаймина никому не рассказывать о том, что они здесь побывали.

Ли Хуаймин, разумеется, согласился.

Когда все ушли, в спальнях покоях вновь воцарилась тишина.

Маленький чёрный карп в аккариуме обратился к Системе:

— Тьфу ты, Система, а этот главный герой-подопечный, кажется, вовсе не такой уж благородный мужик, как ты расписывал? Ты уверен, что не ошибся человеком?

Система с абсолютной уверенностью ответила:

— Исключено. Сюй Чжиюй — и есть главный герой. Просто он чуточку расчётлив, но кто вообще установил правило, что главный герой обязан быть круглым дурачком? Современные читатели такого уже не хавают.

Лу Гуйюань пробормотал:

— Но почему мне кажется, что у этого главного героя припасено немало невероятных секретов? Например, разве он не должен был впервые оказаться во дворце? Откуда тогда эта привычка ориентироваться здесь лучше, чем я сам? А ещё — какую важную роль играет тот нефритовый кулон, который он так упорно искал?

Система вновь приняла вид мёртвой рыбы. Устав от докучливых расспросов Лу Гуйюаня, она перевела стрелки на Ли Хуаймина:

— Да и этот Ли Хуаймин тоже не так прост. Он ведь прекрасно видел, чем занимался главный герой, а объяснения Сюй Чжиюя и Цянь Бао были шиты белыми нитками, но он всё равно притворился, будто верит. Тут явно кроется какой-то злой умысел. Затаил глубокий коварный план, явно не к добру всё это.

Лу Гуйюаню такие речи пришлось не по душе:

— Чушь собачья! Мой братец Мин просто обладает чистой, наивной и доброй душой, вот и попался на удочку легковёрным. С какой стати в твоих устах он превратился в коварного злодея с недобрыми намерениями? Это называется мерить чужих людей по себе! Едва стихли голоса, дверь опочивальни снова отворилась, и внутрь проскользнул маленький евнух. Он тут же плотно прикрыл за собой дверь — весь его вид источал вороватость. Это был никто иной, как воплощение благородства по определению Лу Гуйюаня — Ли Хуаймин.

Мало того что он внезапно вернулся, так еще и переделся в евнушеское платье, пытаюсь скрыться от чужих глаз.

Недолго думая, он направился прямо к ложу Сына Неба, пошарил в изголовье, нащупал потайное отделение и, достав оттуда нефритовых бабочек, су за пазуху.

Действовал целенаправленно и стремительно, без малейших колебаний.

Система: — Ого, какой благородный воришка на крыше.

Лу Гуйюань: — [...] Лицу слегка больно.

Небесный Путь в сознании Ли Хуаймина тоже подал голос: — Ты вот так запросто украл эту нефритовую подвеску. Не боишься, что Лу Гуйюань догадается и заподозрит тебя?

Ли Хуаймин ответил с абсолютной уверенностью: — Разве вещь Лу Гуйюаня можно назвать краденой? А если узнает — ничего страшного, я сумею сделать так, чтобы он на меня не сердился. Куда важнее не допустить, чтобы этот нефрит попал в руки человека, стоящего за спиной Сюй Чжиюя.

Хотя Небесный Путь утверждал, что Сюй Чжиюй сошелся с ваном Чэнем лишь спустя несколько месяцев заточения во дворце, кто знает, не возникнут ли какие-нибудь перемены, из-за которых в этой жизни они сблизились гораздо раньше?

Сюй Чжиюй впервые переступил порог императорской резиденции, но вел себя так, будто прекрасно знаком со всеми уголками дворца, — это и вызывало у него наибольшие подозрения.

Цянь Бао, заброшенный ваном Чэнем глубоко в окружение Императора, как раз помогал Сюй Чжиюю высматривать дорогу, и уж точно не замышлял ничего доброго.

Заметив тогда, как Сюй Чжиюй украдкой бросает взгляды на нефритового мотылька, Ли Хуаймин сразу догадался: эта вещица имеет огромное значение.

И действительно, Небесный Путь подтвердил его догадку: это был Приказ Нефритовой Бабочки, дающий власть над всеми Тенями Бабочки. Тем более нельзя было позволить ему достаться вану Чэню.

Но если бы реликвия осталась у Лу Гуйюаня, Ли Хуаймин опасался, что этот глупый пес, поддавшись уговорам Системы, отдаст столь важный предмет Сюй Чжиюю, а значит — и вану Чэню. Так что лучше всего оставить его на хранение у себя.

Именно поэтому, покинув дворец Цзывэй, он внезапно пожаловался на недомогание и был вынужден с сожалением расстаться с Сюй Чжиюем.

Сюй Чжиюй уже дал людям вана Чэня знать, где спрятана подвеска; Ли Хуаймин был уверен, что Цянь Бао непременно отыщет удобный момент, чтобы выкрасть ее. Сам же он вовсе не горел желанием предстать перед Императором, а потому спокойно вернулся в свои покои.

Однако Цянь Бао, узнав о тайнике, понимал, что о секрете стало известно третьему лицу. Из соображений осторожности он не решился бы лезть за украшением сразу после их ухода — он непременно стал бы выжидать момент, когда сможет полностью отвести от себя подозрения или же, стащив реликвию, немедленно скрыться без риска быть пойманным.

До того момента, как Цянь Бао перейдет к действиям, у Ли Хуаймина появился шанс.

Поэтому он повернул назад, при содействии Небесного Пути раздобыл и натянул евнушеское платье, незамеченным проскользнул во дворец Цзывэй и, избегая встреч с людьми, тихонько пробрался в спальню монарха.

Сейчас от Небесного Путя оставалась лишь одна польза — служить путеводной картой.

Теперь, когда подвеска была похищена, каждая лишняя минута промедления грозила разоблачением.

Ли Хуаймин уже собрался уходить, как вдруг его взгляд случайно упал на стеклянный аквариум с черным карпом, и сердце внезапно кольнуло странное предчувствие.

Небесный Путь осведомился: — Что такое?

Не отвечая, Ли Хуаймин придвинулся ближе и принялся внимательно разглядывать черную рыбину.

Карп слегка склонил голову и моргнул, словно смутившись столь пристального внимания. И хотя это была всего лишь рыба, на ее темной мордочке отчетливо читалось вполне человеческое выражение.

Ли Хуаймин отродясь не видывал столь одушевленных карпов, а потому мгновенно заинтересовался.

Небесный Путь не заметил в рыбе ничего особенного: — Ну, разве что одаренности у нее чуть больше, чем у прочих подводных тварей.

— Не только. Посмотри на других карпов: у них нет век, они не умеют моргать, лежат на дне, а жабры так и ходят — дышат жаберными щелями. Этот же черный карп умеет моргать, да еще и высовывает рот на поверхность, а жабры неподвижны, словно он не понимает, как дышать под водой. Будто дышит одним лишь ртом и носом.

Небесный Путь: — Ерунда какая-то. Может, она просто уродилась с причудами, у нее свои странности.

Ли Хуаймин не стал спорить и протянул к аквариуму свою белую, словно нефрит, руку.

Лу Гуйюань, только что смущенный неожиданно близким лицом прекрасного юноши, видя, как этот красавец собирается опустить руку в воду, решил, что это поистине прекрасная возможность для сближения, и радостно подплыл ближе, желая прижаться к царственной ручке.

А в следующий миг изящная рука красавца грубо вжала его в воду...

— [...]

Лу Гуйюань чуть не захлебнулся, принявшись отчаянно извиваться и удирать, думая про себя с невероятным потрясением: какой же этот красавец жестокосердный! Воистину, чем красивее человек, тем он безжалостнее, Т_Т.

Система злорадно усмехнулась: поделом тебе, одурманенный красотой дурень.

И только прячущийся в сознании Ли Хуаймина Небесной Путь пребывал в полнейшем изумлении: разве рыба способна захлебнуться в воде?

Ли Хуаймин же уже окончательно утвердился в мысли, что с этой рыбой что-то не так.

Бросив взгляд по сторонам, он прихватил со стола чайную чашку, зачерпнул ею воды из аквариума, подцепил рукой всё еще отплевывающегося черного карпа, пересадил в чаркур и унес с собой.

Лу Гуйюань и Система остолбенели: он даже рыбу умудрился украсть — до чего же дерзкий тип!

Впрочем, про себя Лу Гуйюань подумал: а мне такие дерзкие красавцы по душе.

Система, сокрушаясь о его неискоренимости, окатила его ушатом холодной воды: — С таким змеиным сердцем ты еще надеешься на его милость к братьям нашим меньшим? Смотри, как бы он тебя дома в суп не пустил.

— [...]

<http://bllate.org/book/21607/2228558>